

*К 80-летию выдающегося отечественного ученого-юриста
заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук,
профессора В.М. Сырых (день рождения 27 июля)*

**СТАЛИНСКИЙ ТЕРРОР ПОД «ЮРИДИЧЕСКИМ МИКРОСКОПОМ»
ИЛИ «ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ»
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ, СПРОВОЦИРОВАННЫЕ
МОНОГРАФИЕЙ В.М. СЫРЫХ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА:
ПО ДИРЕКТИВАМ ПАРТИИ, НО ВОПРОКИ ПРАВУ». М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2020)**

Краковский доктор юридических наук, профессор кафедры государственного
Константин Института государственной службы и управления,
Петрович Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (119606, Россия, г. Москва,
пр. Вернадского, 84). E-mail: kp.krakovskiy@migsu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые юридические аспекты сталинского террора в СССР в контексте исследования выдающегося отечественного ученого-юриста В.М. Сырых.

Ключевые слова: сталинский террор, политические репрессии, НКВД, «тройки», расстрельные списки, политическая юстиция, «ежовщина», смертная казнь, социально-опасный элемент.

Сталинизм и сталинщина, период правления «вождя народов», вообще, и сталинский террор, в частности, вызвали «взрывную» научную рефлексию, как в нашем Отечестве, так и за рубежом. Вышло несметное количество книг, статей и прочей научной продукции, посвященной этой теме, как преимущественно обличительной, так и апологетической.

Интересующая нас в связи с рецензируемой книгой «Террориана» (литература о сталинском терроре; позволю себе изобрести образец новояза) достаточно обширна. От потомком жертв – А.В. Антонов-Овсеенко, и писателей В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына до серьезных исследователей-историков – отечественных (Д.А. Волкогон, О.В. Хлевнюк, О.Б. Мозохин, В.Н. Земсков и мн. др.) и зарубежных (последние особенно охотно занялись исследование российских архивов, открытых в 1990-е годы, создали ряд фундаментальных трудов, очередной раз «напугав» западного читателя «прелестями социализма»). Даже метафорическое определение пика репрессий – «Большой террор» – принадлежит иноземцу Д.Р.А. Конквесту.

Казалось бы, уже давно вбит историографический «осиновый кол» в сталинскую политику террора... Ан-нет... В качестве «ответной реакции» на обширную литературу, посвященную самым разным аспектам сталинского «Большого террора» в 2000-е годы хлынул мутный поток реабилитационных (не в смысле реабилитации жертв террора, а в смысле реабилитации палачей) работ с «говорящими названиями»: «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века (Д.Ю. Лысков); «Творцы террора» (Е.А. Прудникова), «1937 год без вранья. Сталинские репрессии спасли СССР» (А.М. Буровский), «"Если бы не сталинские репрессии!": Как Вождь спас СССР» (К.К. Романенко) и др. «Несть им числа и имя им легион...».

Возможно, такого «раздрая» в литературе не было бы, если бы после крушения «коммунистического режима» новые власти «новой России» поступили так же, как это попыталось сделать буржуазное Временное правительство: провести настоящий суд над главными деятелями «темных сил» свергнутого режима. Весной 1917 г. была создана Чрезвычайная следственная комиссия, которая собирала документальные доказательства, свидетельства и пр. для этого суда¹. Но, увы, оно не довело до конца это хорошее начинание по вполне объективным причинам – случилась Октябрьская революция.

В 1991 г. была предпринята слабая попытка – в Конституционном суде судить КПСС/КПРФ. Дело закончилось «юридическим патом», и был упущен шанс дать политико-

¹ Подр. см.: [1–2].

юридическую оценку едва ли главному преступному деянию прежнего режима – политике насилия и репрессий и, прежде всего, «сталинского террора».

В связи с этим, отряд ученых-историков, писателей, общественных деятелей составили своеобразный «общественный трибунал», но не для того, чтобы судить – это не есть задача науки, а раскрыть правду, страшную правду о политических репрессиях, политическом государственном терроре в СССР¹. Увы, за смертью многочисленной преступной группы судить деятелей «сталинского» террора не удастся. Но верно отметил В.М. Сырых: задача юридической и исторической науки – «воздать по заслугам их». Нужно назвать вещи своими именами: само государство, действовавшее таким противоправным образом, превратилось в преступное государство, преступное сообщество.

При том, что «сталинский террор», в первую очередь, это явление, имеющее *юридическую* природу (язык не поворачивается сказать «правовую природу»), по сути, представляет собой классический образец политической юстиции, следует удивиться, что юристы уделили этой проблеме до обидного незначительное внимание. Так, можно назвать книгу В.В. Лунеева, проанализировавшего размах террора и его место в общих цифрах преступности в нашей стране [4], монографию авторского тандема В.Н. Кудрявцева и А.И. Трусова, посвященную преимущественно догматическому толкованию феномена советской политической юстиции [5].

В связи с имеющимся дефицитом книг именно ученых-юристов работа В.М. Сырых является очень своевременной, закрывающей имеющиеся историографические лакуны, и, уверен, она займет свое почетное место в историографии «сталинского» террора.

Более того, было чрезвычайно интересно узнать, какую принципиальную позицию займет этот ученый-юрист, хорошо известный в стране и за рубежом своими работами, продолжающими освоение марксистско-ленинской доктрины, развивающими материалистическое понимание права [6–7]. В то время, как многие ученые-юристы, поклонявшиеся теории марксизма-ленинизма в советский период, после крушения социализма «сожгли тех, кому поклонялись» и бросились с разрешенной смелостью критиковать названную теорию, В.М. Сырых остался верен своим идеалам, хотя и сделал немало для очищения марксизма и материализма от «наносов» и вульгаризации их в советский период.

Свой объективный подход к оценке роли и значения, например, В.И. Ленина, он обозначил в самом названии еще одной своей книги «Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия)» [8]. Пример, достойный подражания.

И в данном случае В.М. Сырых избрал свой путь теоретического и историко-правового исследования проблемы «сталинского» террора «без пристрастия» (о подобострастия просто не может идти речь): он анализирует ее, как и положено юристу, на фоне крупной проблемы нормативного обоснования, заложив это в само название книги – «по директивам партии, но вопреки праву». Хотя его негативное отношение к «сталинскому террору» (а какое иное отношение может быть к нему у любого нормально мыслящего человека?) видно невооруженным глазом. Сразу отметим, что автор этой статьи целиком и полностью разделяет с В.М. Сырых это отношение.

Сама по себе дискуссия по действительно серьезной проблеме – о реальном, а не идеальном или идеологическом значении партийных директив относительно нова: в конце концов, споры сводятся к вопросу, являются ли они источником права, а, значит, имеют нормативную (юридическую) природу, и, следовательно, должны обеспечиваться санкциями и сами могут регулировать принудительные (насильственные меры).

Советские ученые-юристы (начиная с С.И. Раевича [9], затем Д.А. Керимов, А.И. Денисов, С.Л. Зивс и др.) ограничивались провозглашением, разумеется, положительной роли Коммунистической партии, в том числе и в правотворчестве, т.к. в силу известных причин они не могли провести глубокий теоретический и критический анализ партийных актов.

После падения социализма в нашей стране и установления едва ли не полной свободы дискуссий по любым вопросам, продолжается до сих пор спор между учеными-юристами по вопросу о «юридическом» значении актов, решений органов Коммунистической партии (от РСДРП (б) до КПСС).

¹ Мы ограничиваемся все же репрессиями «сталинского периода». Природа «красного террора», как показал в своем фундаментальном исследовании В.М. Сырых [3], все же несколько иная, чем у «сталинского террора».

В исследованиях последних лет сложились две диаметрально противоположные точки зрения. Одна из них (М.Н. Марченко, Т.Ф. Ящук, О.В. Винниченко, А.М. Ваганов и др.) выражает категорическое мнение, что партийные документы *не являются источниками права*. Лишь в тех случаях, когда происходит легитимация решений партии правовыми актами, они приобретают значение официально признанных источников права. В то же время они признают тот неоспоримый факт, что «образование правовой системы советского общества, в которой фактически большую силу имели партийные акты, являющиеся неправовыми регуляторами, стало результатом не простого стечения обстоятельств в рассматриваемый исторический период, а было моментом в общей российской правовой традиции приоритета власти над правом и распространенности правового нигилизма» [10].

Иная точка зрения (В.М. Курицын, Р.А. Насибуллин, И.В. Минникес, С.А. Токмин) состоит в том, что партийные акты в конкретно-исторических условиях *являлись источниками права*, и на основе анализа партийных актов через призму признаков нормы права делают вывод – «нормы общего действия, содержащиеся в партийных актах, в полной мере соответствуют признакам нормы права» [11].

Своеобразным арбитром в этом академическом споре выступил известный ученый-юрист С.В. Кодан [12–15]. Он настаивает на том, что специфика партийно-государственного управления и правотворчества в СССР определяет место партийных документов в системе носителей правовой информации. Необходимо учитывать, что в СССР сложилась специфическая система управления и правового регулирования, основой которой выступал партийно-государственный механизм принятия и реализации политических, идеологических, управленческих решений. Поэтому необходимо провести четкую границу между двумя группами источников советского права – идеологическими и юридическими. Идеологическими источниками права выступали работы лидеров коммунистической партии, программные документы и решения партийных органов, которые определяли идеологические и политические направления, стратегические и тактические задачи развития советского общества. Однако в юридическом понимании формой права они не являлись [16].

Независимо от признания или отрицания за партийными актами значения источников советского права, следует принять как аксиому то, что они со своей большей (де факто) политической силой, авторитетом демонстрируют феномен превалирования власти (партийной) над правом (государственным – т.е. исходящим от государства). Иными словами, партийные документы можно признать *своеобразными* источниками права в системе советского права вплоть до 1991 г.

Применительно к рецензируемой книге, следует признать правоту В.М. Сырых, проанализировавшего содержание и применение партийных норм десятков постановлений Политбюро, касавшихся государственного террора, и показавшего реальное *юридическое значение и приоритет* партийных норм над Конституцией и законодательством. Действительно, государственные институты, которые должны в своей деятельности руководствоваться только законом, в рассматриваемый период следовали именно решениям Политбюро, а в реальности лично тов. Сталина. Партийные акты противоречили законам, подменяли их действие, но, к сожалению, именно они были основными источниками правоприменительной деятельности (с. 75).

Весьма ответственным является первый (теоретический) раздел книги, в которой автор анализирует террор как средство построения социализма. Можно спорить, насколько реально применяемые методы террора связаны с этими задачами, но признаем, что он, террор, не был «огульным»: в обоснование применения карательных мер идеологи террора (Сталин и его ближайшее окружение) называли категории тех, кто, якобы, *мешает строить социализм* и поэтому нуждается в подавлении: первоначально это были «враги» социализма, вредители, вставляющие палки в колеса (на пути рабочего класса), кулаки, мешающие становлению колхозного строя (на пути трудового крестьянства), троцкисты (служащие) – просто агенты германской разведки. Для новых волн террора жертвами были названы жители «новоприсоединенных» территорий, «враги, пробравшиеся в органы НКВД», «народы, сотрудничавшие с фашистами» и «далее на всех остановках», вплоть до врачей и «безродных космополитов».

Другое дело, насколько обоснованы или фальшивы были эти постулаты идеологов террора, а если второе, то каковы были реальные цели государственного террора, особенно

в отношении бывших товарищей по революционной борьбе и по партии (т.н. «ленинской гвардии» партии)?

Чрезвычайно интересной выглядит позиция В.М. Сырых по вопросу об условиях *легитимации террора*. Тема не нова. К ней, в частности, обратился в лихую годину Первой русской революции премьер П.А. Столыпин. Выступая 13 марта 1907 г. во 2-й Государственной думе и отвечая на обвинения в адрес правительства, что у него «руки по локоть в крови» (в связи с военно-полевыми судами, а, по сути, имелся в виду государственный террор против революционеров), ответил: «Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете, этот порядок признается всеми государствами. Это, господа, *состояние необходимой обороны* (выделено мной – К.К.): оно доводило государство не только до усиления репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к различным категориям людей, оно доводило государство до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводило до спасения. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная *необходимость стоит выше права* (курсив мой – К.К.), и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью Отечества» [17, с. 56–57].

Нам представляется, что процитированное заявление премьера П.А. Столыпина о том, что «российское государство находится в состоянии необходимой обороны» было попыткой («покушением с негодными средствами») объяснить природу практической принудительной (насильственной) деятельности карательных органов и, конечно, оправдать ее¹, отчего она, однако, не вправе рассчитывать на оправдание, получение «индульгенции истории»².

В.М. Сырых выделяет юридические критерии правомерности репрессии и затем примеряет их к «сталинскому террору». К ним он относит:

1. *Нормативный*: для того чтобы террор стал государственной общеобязательной мерой, он должен быть легализован в законах и иных правовых актах, официально опубликованных и известных населению. Сами законы о государственной репрессии должны быть правовыми! (т.е. соответствовать основополагающим принципам права – равноправия, взаимозависимости, эквивалентности, общеобязательности, свободы воли и др.) и действующей конституции страны (с. 70).

2. *Целевой*: террор вводится для *решения общегосударственной задачи* – чтобы удержать основную массу населения от желания совершать действия, запрещенные под страхом применения мер террористического порядка.

Сомнительно наличие и этого, при применении к сталинскому террору: какая общегосударственная задача решалась, если привлекали заведомо невиновных (наличие списков, установление «нормативов» репрессии, а не вины лиц, подлежащих уголовной ответственности)?

3. *Кадровый*: органы государства и должностные лица сами не должны нарушать законность, демонстрировать уважение к правам личности (с. 63).

Автор совершенно обоснованно *отказывает* «сталинскому» террору в соответствии этим легитимирующим признакам.

Но наряду с этими формально-юридическими, В.М. Сырых выдвигает и *политический критерий* в обоснование легитимности – государственный террор должен быть средством защиты прогрессивного пути развития общества, революционных завоеваний пролетариата. Иными словами, революционный террор – сугубо правовая мера (с. 65).

Мы помним, что жертвами «сталинского» террора оказалось больше половины членов первого правительства – они оказались врагами народа. Так ли это было на самом деле? Если нет, то их репрессирование не отвечает даже формальному критерию – защиты завоеваний! Тогда каковы были цели этого террора? Полагаю, можно прислушаться к утвердившемуся в литературе мнению, что с помощью «Большого террора» И.В. Сталин убрал с политической арены, быстро «вычистил» «старую ленинскую партийную гвардию», заменив ее своей,

¹ Аргументы, опровергающие эту конструкцию правительства см.: [18].

² Интересно, что прямо противоположную идею выдвигал известный французский писатель Анатоль Франс в 1906 г.: «Напрасно судьи пытаются смыть кровь со своих рук, ссылаясь на законы, более смертоносные, чем японские снаряды. Эти бесчеловечные драконовские законы оправдывают любые мятежи и восстания. Они ставят *русский народ* (выделено мной – К.К.) в положение самозащиты, заставляя его бороться против иступленных зверств агонизирующего царизма». См.: [19, с. 701]

преданной только ему, номенклатурой. Удивительно точно и афористично выразил эту идею эмигрантский историк Б.И. Николаевский, назвавший «ежовщину» «варварской формой смелости правящего слоя» [20, с. 204].

Является ли сталинский террор равнозначным революционному террору? Автор отвечает на этот вопрос отрицательно, и мы с ним солидарны. Впрочем, тогда все же остается вопрос: можно ли к нему применять общеправовые требования, требовать его соответствия принципам права; можно ли признать легитимным насилие с политической, а не с юридической целью?

Автор вводит еще одно условие легитимности государственного террора: *временное* – т.е. время, когда допускается революционный террор – это военное время (Гражданская война; *в мирное время – это всегда произвол*). Его вывод очевиден: при Сталине в 30-е годы – не было войны, и уже только это обстоятельство делигитимировало террор; у власти оставались лишь фальшивые лозунги защиты революции от контрреволюционеров, якобы посягавших на советский социалистический строй.

Автор выделяет три формы государственного террора, осуществленного в 1930 – начале 1950-х годов:

1. Установление уголовных и иных санкций, не соответствующих тяжести совершенного правонарушения (напр., сбор колосков, уголовная ответственность рабочих за дисциплинарные правонарушения).

2. Упрощение процессуальных процедур применения репрессий и использования не судебных органов.

3. Усиление уголовно-правовых или административных репрессий с одновременным упрощением процедур.

В.М. Сырых признает, что сталинский террор на статус правового явления претендовать не мог¹. Это государственный произвол, повлекший миллионные жертвы (с. 72). Верный и важный вывод.

Автор показывает, что «сталинский» террор проводился по канонам «красного террора», образно называя это «триадой бессудия»:

А) осуществлялся преимущественно внесудебными органами («тройки»);

Б) осуществлялся в упрощенном порядке;

В) широко применялась высшая мера наказания (ВМН).

Признавая «сталинский» террор организованной формой государственного насилия, мало чем уступавшего вреду, с которым боролось советское государство, посредством террора, справедливо называя его «голым произволом», недопустимым для социалистического государства, автор, впрочем, находит его «частичную реабилитацию» в успешном завершении строительства основ социализма (с. 73). Но тогда возникает вопрос – с чем связана новая, пусть и не такая высокая волна террора в послевоенный период, когда основы социализма уже построены (Ленинградское дело, борьба с «безродным космополитизмом, дело врачей и т.д.)?

Еще один важный «общий вопрос темы» – периодизация сталинского террора (Гл. 6). Автор предлагает его деление на 4 этапа: 1. Легализованный² террор (1927–1934); 2. Раскулачивание (1930–1933); 3. «Ежовщина» (или Большой террор) (1937–1938); 4. «Бериевщина» (1939–1953). С этой периодизацией можно согласиться лишь отчасти (хотя бы потому, что используются разные основания периодизации). К примеру, историки «сталинского террора» говорят о еще одном периоде и целом направлении «сталинского террора» – *борьбе с вредителями*, а Шахтинский процесс 1928 г. о вредителях вообще некоторые считают отправной точкой сталинских репрессий. Возникает еще один вопрос: как, например, соотносить первый этап с предлагаемым известным канадским исследователем П. Соломоном периодом «1934–1936 гг.» – когда, по его мнению, начался поворот к традиционному правопорядку, имела место «попытка восстановить авторитет закона»? [21, с. 148–149] Во всяком случае, для этого есть основания: создан общесоюзный Наркомат внутренних дел, а ОГПУ

¹ Название гл. 5 «Сталинский государственный **правовой** террор», видимо, просто техническая неточность. Возможно, вместо слова «правовой» нужно было использовать термин «формально-юридический», подчеркивая неправовой характер действий сталинского режима.

² Использование автором термина «легализованный» связано с тем, что в означенный период все же принимались нормативно-правовые акты советского государства (всего 7), а не партийные постановления, посвященные осуществлению репрессий. Их анализу посвящена глава 13 книги В.М. Сырых.

вошло в него как одно из многочисленных «мирных» подразделений, а созданное при НКВД СССР Особое совещание было ограничено в судебной функции.

Впрочем, несомненно, каждая из стадий, выделяемых В.М. Сырых, действительно, имела свои объективные или субъективные особенности.

Автор небезосновательно полагает, что политика государственного террора не обошлась без идеологического обоснования. В качестве одного из главных идеологов (ставшего, в конце концов, жертвой своего «детища»; можно перефразировать известную максиму – «террор пожирает своих собственных идеологов»). В.М. Сырых называет прокурора Н.В. Крыленко, открывшего «ящик Терроры» (позволим себе модификацию имени Пандоры, известной героини древнегреческого эпоса).

Кстати, он был одним из немногих в составе сталинской политической элиты, имевший юридическое образование. Как известно, профессиональных юристов в ту пору не жаловали. Историк В.В. Ганин предпринял попытку установить среди высших руководителей советского государства в довоенные годы лиц, имевших юридическое образование. Нашел всего троих (В.И. Ленин, В.И. Межлаук и А.Я. Вышинский – соответственно председатель СНК и его заместители), и еще двое – среди наркомов неюридических ведомств (тот же В.И. Межлаук, нарком тяжелой промышленности СССР и Г.Я. Сокольников – наркомфин СССР) [22, с. 253 и далее]. Некоторые историки находят причины такой «дискриминации» юристов в том, что их юридический профессионализм был крайне опасен корпоративному режиму [23].

В.М. Сырых в начале 2000-х годов стал автором, по сути, первого глубокого исследования биографии Н.В. Крыленко и его роли как идеолога и активного практика сталинского террора [24]. В рецензируемой книге он развил свой сформировавшийся взгляд на этого «законника», апологета «сталинского» террора (Раздел II).

Представляет большой интерес систематизированный анализ В.М. Сырых общесоюзных законов, легализовавших сталинский террор. Он называет 7 важнейших законов за период от 1929 до 1937 гг., показывает их противоречие принципам права (напр., то, что им придавалась обратная сила – глава 13). Можно согласиться с выводом автора, что эти акты – голый, субъективный произвол законодателя, повлекший массовые репрессии в отношении лиц, не совершавших каких-либо противоправных деяний против советской власти и даже не помышлявших о них.

Раздел III книги посвящен второму, согласно периодизации В.М. Сырых, этапу государственного террора – раскулачиванию как террористическому акту против крестьянства, как «прологу “Большого террора”». Важным для понимания юридической природы этого «мероприятия» сталинского руководства был проведенный автором скрупулезный анализ ряда секретных постановлений Политбюро как квазиправовой основы раскулачивания.

В ключевом разделе работы (автор называет его не «привычно» – «Большой террор» (БТ), а по фамилии главного исполнителя – наркома НКВД СССР Ежова – «Ежовщина») дана развернутая картина «ядра Большого террора» (выражение Марка Юнге и Рольфа Биннера).

Можно вполне согласиться, что точкой отсчета БТ стал февральско-мартовский пленум ЦК 1937 г. Как и предыдущих разделах, В.М. Сырых обращается к анализу содержания нормативных актов, которые создали базу террора – как законы, так и партийные решения (Глава 22 с характерным названием «Политбюро как самозванный и к тому же бездарный законодатель»).

По его подсчетам, с мая 1937 по 1 декабря 1938 г. Политбюро ЦК партии, примерило на себя тогу законодателя, вышло за пределы своих полномочий и приняло более 20 постановлений, которые юридически необоснованно вносили коррективы в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Но, самое главное, они противоречили, как «еще свежей» Конституции СССР 1936 г., так и действующему законодательству, общим принципам права.

Наиболее характерны – постановление Политбюро от 5 июля 1937 г. «О членах семей осужденных изменников родины», также постановления от 28 июня, 2 и 31 июля 1937 г., от 15 сентября 1938 г. и др. – ими были определены, а потом и расширены полномочия «троек»: о «тройках» для разрешения дел кулаков, уголовников и др. социально-опасных элементов [25] (т.е. новый квазисудебный орган создавался актами Политбюро, в нарушение ст. 102 Конституции СССР, которая закрепляла систему судов в стране, перечисляла судебные органы и оговорилась, что иные судебные органы создаются постановлениями Верховного Совета СССР, а таких постановлений не было, они создавались актами Политбюро).

Более того, этими партийными актами была ликвидирована, по сути, возможность (и необходимость!) установления вины на основе проверенных в судебном заседании доказательств. Особенно страшно, что «уголовный», по сути, но абсолютно «бессудный», по существу, процесс проходил не только без обвинителя и защитника, но даже без самого подсудимого, по бумагам, как когда-то в императорской России в XVIII в. И приговор «тройки» не доводили до сведения осужденного, просто незамедлительно расстреливали на основании «приговора», да он, собственно, и не подлежал обжалованию. По сравнению с «тройками» царские военно-полевые суды образца 1906–1907 гг. – образцовые судебные инстанции! Там хотя бы допрашивали подсудимого и свидетелей...

Но самое страшное и самое позорное в истории коммунистической партии страны победившего социализма – решение Политбюро, благословлявшее органы НКВД на применение физического насилия (читай, пыток) в отношении подсудимых, принятое примерно в июле 1937 г. Иными словами, издавая партийные акты в противоречие с законодательством, Политбюро создавало условия для террора, действуя быстро, секретно и бесконтрольно.

Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Не ограничившись ролью самозванного законодателя, Политбюро приняло на себя и роль органа правосудия (не менее самозвано!) (Глава 22.). Эта роль состояла в том, что Политбюро (вернее, отдельные члены Политбюро), выносило фактически «приговоры», предопределяя результаты уголовного преследования, иными словами, действовало как *судебный институт*. Оно «утверждало» (это делалось просто подписыванием, даже без хотя бы декоративного обсуждения) списки лиц, дела о которых передавались на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР. В течение 1937–1938 гг. таким манером было утверждено 383 списка на 44465 человек (партийные, советские, хозяйственные и комсомольские работники, а также простые рабочие и крестьяне).

Утверждение списков шло не от имени Политбюро, а это были наиболее доверенные люди Сталина (завизировал 357 списков) – Молотов (372 списка), Каганович (188), Ворошилов (185), А.А. Жданов (176), Ежов (8), Микоян (8). На одном списке стояло обычно по 3–5 подписей.

Эта процедура вообще была за пределами какой-то юридической квалификации: некая коллегия людей, не имея вообще никакого специального права (только их *коллективные* решения в *составе Политбюро* имели политическую силу, либо в личном качестве – в соответствии со статусом, напр., Молотов – председатель СНК, Каганович, Ворошилов, Ежов – наркомы, но они могли подписывать административные акты для своего ведомства, не больше!), решала судьбы десятков тысяч граждан страны Советов!

Боле того, подписанный список имел силу *окончательного приговора* (в них определялась и мера наказания) – последующее рассмотрение дела в Военной коллегии превращалось в пустую формальность (без участия сторон и при закрытых дверях). Т.е. *группа товарищей* предрешала судьбу дела и подменяла судебный орган, становилась автором судебного (обычно смертного) приговора. В 1937–1938 гг. Военная коллегия рассмотрела и осудила около 37 тысяч человек, из них 25 тысяч к расстрелу.

Более того, решением Политбюро ЦК от 30 июня 1931 г. было сочтено целесообразным все приговоры к ВМН, вынесенные коллегией ОГПУ, направлять на утверждение ЦК ВКП (б). Т.е. партийное руководство присвоило себе еще и статус *надзорного судебного органа*, не имея не то что юридического права, но и ни одного квалифицированного юриста в своем составе. Что интересно, прокурор СССР А.Я. Вышинский, все же будучи юристом, понимая всю противоправность такого рода практики, под благовидным предлогом уклонился от участия в подписании этих списков.

Достаточно подробно автор анализирует содержание, процессуальные характеристики «ежовского» следствия и судебного процесса (гл. 24).

Одним из самых страшных нормативных актов по последствиям своего применения был Приказ наркома НКВД СССР Ежова № 00447 от 30 августа 1937 г., метафорично названный «приказом смерти» (был утвержден Политбюро на следующий день¹), предусматривавший упрощенный порядок расследования и рассмотрения угол дел (в административном порядке).

¹ Только этому приказу, его исполнению органами НКВД посвящены самостоятельные исследования. См. напр.: [26].

Важно, что автор называет поделщиков Сталина в появлении на свет этого «людоедского» акта: Ежов, Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин, Андреев, Косиор, Микоян и Чубарь. Это, впрочем, не отменяет и не умаляет ответственность непосредственных исполнителей этого приказа – «следователей» и «судей»: выполнявших и перевыполнявших плановые показатели партии по казням невиновных.

В.М. Сырых анализирует чудовищную систему планирования террора: показывает – кто, руководствуясь какими показателями, устанавливал «контрольные цифры». Это, наверное, единственный случай в истории человечества установления нормативов казней: например, по Московской области репрессировать 35000 человек, из них расстрелять 5000; по Ленинградской области – репрессировать 14.000, расстрелять 4000 человек и т.д. Но не менее чудовищно, что республиканские, региональные руководители органов НКВД запрашивали Москву об увеличении «контрольных цифр», получении дополнительных «лимитов на казни» (гл. 25).

Приказ московского военного губернатора Ф.В. Дубасова в революции 1905 г. «Патронов не жалеть!» преподносился советской историографией как верх бесчеловечности. Сталин, Ежов и их поделщики в центре и на местах оставили далеко позади царского сатрапа. И это в Советском Союзе, стране, строившей «светлое будущее всего человечества»!

Но как выполнять приказ? На всем протяжении советского периода (да и не только его) весьма важным показателем была «палочка» в отчете о работе за каждое раскрытое уголовное преступление. Но где было «набрать» такое количество преступлений, да еще столь серьезных, как «контрреволюционное», такое число «социально опасных элементов»? Путь один – фальсификация! Она была облегчена, благодаря созданной упрощенной процедуре, полностью противоречившей уголовно-процессуальному закону и самой Конституции.

Автор раскрыл юридическую природу фальсификации уголовных дел. Важнейшим для приговора – вывода суда являются доказательства. Написаны тома и тома, где лучшие юридические умы раскрывали юридическую природу, препарировали каждое из них. Выдающийся русский юрист В.Д. Спасович совсем не преувеличивал значение теории доказательств, называя ее «центральным пунктом всей системы судопроизводства, душой всего уголовного процесса» [27, с. 165]. Все эти постулаты были забыты творцами уголовных дел 1930-х годов.

Автор показывает, что «ежовские следователи» широко применяли пытки, избиения и угрозы (арест родственников: жен, детей). Вследствие это не удивляет, что в протоколах допросов обвиняемые поголовно «признают вину» в совершении самых невероятных преступлений (особенно «популярное» – завербованы разведками Германии или Японии, или еще какой-то; где, когда, «адреса, явки»... – ничего не устанавливалось, считалось достаточным собственное признание). И это делалось умышленно: они, чекисты, *заведомо знали*, что привлекают незаконно и без оснований – В.М. Сырых приводит многочисленные примеры, в том числе собственные признания этих «горе-следователей» (с. 326–327).

Интересно, что в конце 1938 г. Сталин и Молотов назвали эти формы и методы работы незаконными, не стеснялись сваливать вину на все тех же «врагов народа, шпионов иностранных разведок, пробравшихся в органы НКВД». Богатая фантазия ... Они как бы изолировали себя от этого беззакония: это, по их уверениям, *другие дела*, хотя именно они, руководители партии, являлись вдохновителями этого террора; своими постановлениями Политбюро выписывало своеобразную индульгенцию для НКВД.

Временами Владимир Михайлович Сырых даже переходит на прямое, не без сарказма, обращение: «28 июня 1937 г. Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, презрев Конституцию СССР, действующие уголовный и уголовно-процессуальные законы ... взяли на себя законотворческие функции и постановлениями Политбюро ЦК партии закрепили чрезвычайные нормы проведения Большого террора»... (с. 330-334). Эти страницы книги читаются на одном дыхании. Этим он напомнил весьма эмоциональное знаменитое письмо Ф.Ф. Раскольникова Сталину (1939 г.) с его рефреном «Вы, Сталин, ...». Да и как можно оставаться спокойным, когда рассказываешь о совершенно противоправной и бесчеловечной практике советского руководства?

Автор также дает свой ответ на вопрос о причинах «упрощенки»: нехватка следователей (нужно было в короткое время привлечь к уголовной ответственности, согласно «лимитам»,

259.000 «социально опасных элементов»). Автор подсчитал, сколько следователей понадобилось бы для расследования *в общем порядке, согласно УПК РСФСР*, такое количество дел – 13.000 следователей, т.е. нужно было задействовать *каждого второго* сотрудника УГБ НКВД. Такой возможности не было, а результаты должны были быть. Поэтому и ввели упрощенный порядок, и конечно, пытку, – для тех же целей (добиться признания, которое облегчало «работу» тройки). «Следователи» выявляли, как в сказке, «то, чего не может быть»(!), реализовали «лимит» на фактическое бессудное убийство вместо правосудия.

Потом их же, «ежовских следователей», репрессировали, расстреляли, т.е. прятали концы в воду (глава 26 с перифразом «Мавр сделал свое дело, мавра можно расстрелять»), а инициаторы террора остались безнаказанными.

Автор не уходит от одного из ключевых (и остающихся дискуссионными в историографии) вопросов: какова причина Большого террора? Предлагает свою версию ответа. Но здесь он показал себя в качестве адепта социализма, не избежал модного нынче спора с «современными либералами», критикует их (348 и след.). В.М. Сырых напоминает, что именно большевики превратили отсталую державу в развитую экономику.

Как сторонник идей этого самого либерализма (в хорошем смысле слова), рецензент может поспорить: Россия уже в начале XX века входила в пятерку крупнейших экономик мира, вслед за США, Англией, Францией и Германией. Хотя, нужно признать, ее капитализм в терминологии «левого» публициста Б.Ю. Кагарлицкого был «периферийным», и вопиющих проблем (особенно в аграрном секторе) было хоть отбавляй. Во всяком случае, Антанта – союз, который крупнейшие и сильнейшие державы (Англия, Франция, США) заключали с сильным, а не слабым партнером, каковым и была Российская империя.

Автор полагает, что сталинский террор был «вывертом, зигзагом субъективного плана, выпадающим из закономерного хода строительства социализма». Он признает, что никаких объективных причин для проведения БТ не было, что это его проведение было чисто субъективным решением Сталина, но оговаривается, что Сталин «неумышленно» провел террор, а вследствие неспособности понять объективные закономерности построения социалистического общества, что было его «ошибкой» (с. 349).

Рецензент не готов признать массовый террор «ошибкой», разве только в смысле известной фразы: «это больше чем преступление, это ошибка».

Это нарушение сроков сева озимых или несвоевременную поставку нефти на перерабатывающие заводы можно назвать ошибкой. Массовый террор – это страшное преступление против *своего народа*, аналогов которому в мировой истории не так уж много (на ум приходит лишь аналогичная «ошибка» верного сталиниста Пол Пота в Кампучии в 1970-е годы). И, самое страшное, что он был проведен целенаправленно (умышленно в лексике науки уголовного права).

Впрочем, это уже мировоззренческие противоречия автора и рецензента, которые разрешит только время, а не научная дискуссия.

Важным теоретико-правовым выводом (юридической квалификацией) автора является то, что Сталин, вводя «тройки» и т.д., – совершил частичный конституционный переворот (микрорутч) на период осуществления Большого террора (с. 354). Суть переворота автор видит в присвоении Политбюро компетенции законодателя: оно создало новые судебные, по сути, органы и создало для них нормативную основу (уголовную и уголовно-процессуальную). Сформировалась «адская машина», единая общесоюзная фабрика по выбиванию признательных показаний. На «следствии» не существовало никаких прав обвиняемых, а затем в «судопроизводстве» – никаких прав подсудимых. Политбюро сместило конституционные органы (ЦИК, СНК), – само принимало решения юридического свойства по террору (уголовного и уголовно-процессуального свойства), что, по убеждению автора, однозначно свидетельствовало о кризисе советской власти.

Автор представляет прекрасный – простой и прозрачный, абсолютно логичный – образец юридического анализа карательной деятельности сталинского аппарата. Он называет три условия правомерности посягательства государства на жизнь гражданина через применение смертной казни: 1) в случаях, прямо предусмотренных уголовным законом и за совершение особо тяжких и опасных для общества преступлений, в отношении особо опасных преступников; 2) приговаривать подсудимых к смертной казни может только судебный орган, на основе

исследования добытых по делу доказательств; 3) сам приговор и предшествующее ему разбирательство должны производиться на основе уголовно-процессуального закона (с. 390).

Все три *conditio sine qua non* были нарушены. Кем в таком случае становятся лица, являвшиеся инициаторами и акторами-реализаторами этого убийства, все причастные? – Это однозначно преступники, действовавшие согласно своей роли: организаторы (Сталин и руководители НКВД), исполнители (сотрудники НКВД на местах, не расследовавшие, а «стряпавшие» миллионы дел), пособники (члены «троек»). А преступника надо судить; «преступник должен сидеть в тюрьме»... Но, увы...

Последний раздел книги посвящен «бериевскому террору», названному автором книги «секретным, жестоким, но без ошибок». У рецензента, впрочем, остался вопрос: почему без ошибок, что имеется в виду?

Автор анализирует меры, направленные на свертывание БТ, которые сами его организаторы и осудили; (постановление СНК и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и предварительном следствии»). В этом постановлении были названы виновники террора – враги, пробравшиеся в органы НКВД; цель такого «перевода стрелок» очевидна – избежать ответственности Политбюро, отвести от него подозрения.

Автор дает развернутую критику этому постановлению по шести позициям, показывает, в чем оно было фарисейским и лицемерным (с. 403–404). Однако эти шаги партии означали не прекращение, а лишь коррекцию террора. В целом В.М. Сырых характеризует новые явления в реализации государственного террора как «бериевская оттепель» (очищение органов НКВД и ликвидация «троек», большее вовлечение судебных органов, смягчение террора, частичная реабилитация осужденных, повышение роли прокурорского надзора и усиление процессуальных гарантий для подсудимых и пр.). Суть нового этапа террора автор обоснованно видит в борьбе Л.П. Берия и А.Я. Вышинского (или по-другому – НКВД и Прокуратуры) за первенство в терроре. И вновь победили спецслужбы (Берия) – они поставили прокуратуру и суды «на место».

Автор останавливается на описании страшных картин государственного террора в предвоенные годы (репрессии против членов семей «изменников Родины», масштабные принудительные переселения жителей вновь присоединенных территорий – республики Прибалтики, Западная Украина, Катынский расстрел и др.) (Гл. 32).

Он справедливо характеризует акты, ставшие основанием этих репрессий, а также осуществленную на их основе карательную деятельность как антиконституционные. Впрочем, делает и полный сарказма вывод: «понятно, ни партия, ни правительство не станут пасовать перед какими-то формальными условностями типа конституционных установлений»; Берия не подвел партию, проявив свои лучшие качества «гениального менеджера, а также последовательного защитника законности и социалистической демократии» (с. 434).

Отдельные главы автор посвящает террору во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1945–1953 – «метастазы террора»).

Он рассматривает ряд решений ГКО, Наркомата обороны и др. – по борьбе с изменниками родины. Большое место он уделяет трагическому акту депортации целых народов, обвиненных в, якобы, пособничестве нацизму (депортировано порядка 2 млн чел.), указывает на то, что решения о депортации приняты с грубейшими нарушениями конституционных положений и уголовного и уголовно-процессуального законодательства, да и к тому же ни Президиум Верховного Совета СССР, ни СНК СССР не обладали полномочиями по принятию таких решений. Это был типичный государственный террор.

Автор выделяет две стадии послевоенного террора: стагнации и реформирования. Сталин полагал, что террор вполне укладывается в модель управления советским обществом, поэтому не следует от него отказываться. В книге показано ослабление террора как вяло и секретно текущее (упразднение ГКО и восстановление конституционных органов, отмена военного положения и отмена уголовной ответственности по законам военного времени, амнистия; постепенное устранение уголовной ответственности за нарушения трудового права, отмена смертной казни, впрочем, всего на 2 с небольшим года).

И, напротив, показан процесс реанимации политическим руководством террористических средств: расстрел 40 генералов; Ленинградские дела, процесс Еврейского антифашистского комитета, Мингрельское дело и, как завершающий (но не доигранный) аккорд – дело врачей.

Автор обращает внимание на тот важный юридический и исторический факт, что, если «сталинский террор» осуществлялся на основе постановлений *партийного органа* (Политбюро), то его свертывание (отмена террора и освобождение жертв) осуществлялось уже *государственными актами* (ряд постановлений (указов) Президиума Верховного Совета СССР) после смерти Сталина, не содержащих, однако никакой реабилитации многомиллионных жертв репрессий – это стало делом последующих поколений руководителей страны.

Обычно книги завершаются заключением. В данном случае автор остался верен своему юридическому кредо: заключение не обычное, а *обвинительное*, как в любом уголовном деле. Сталин обвиняется по нескольким статьям УК РСФСР, и от этих обвинений ему бы не отвертеться, окажись он на реальной скамье подсудимых.

Что хотелось бы сказать в итоге? Политические дискуссии вокруг многочисленных аспектов истории сталинизма (в том числе с обвинениями и ответной защитой) сопровождаются политическими аргументами. Там все идет в ход: от фактов и полуправды, до откровенной лжи и, в конце концов, завершается трудно опровержимым аргументом «сам дурак!». Политическая аргументация в значительной мере определяется мировоззрением, философскими и политическими идеалами участника дискуссии. Нередко это приводит к тому известному «примиряющему» положению, что «у каждого своя правда». Это, в свою очередь приводит к тупику, невозможности установить истину.

А вот когда последовало обвинение *юридического* свойства, то спорить можно только имея *юридические* контраргументы (даже не интерпретация права, а само право, законы, судебная практика). Поэтому даже приводимый выше трудно опровержимый аргумент должен звучать так: «сам дурак, в соответствии со статьей... закона...». И в этом смысле, оппоненты В.М. Сырых должны будут представить именно юридические аргументы его неправоты. Подозреваем, что таковые найти будет трудно, а, скорее всего, невозможно.

В конце своих размышлений над этой замечательной книгой В.М. Сырых хотелось бы сказать еще об одном важном аспекте, который можно найти на... обороте титула: в аннотации. Там сказано, что книга предназначена для специалистов, историков, магистрантов, диссертантов... Полагаю, что очень важно, чтобы ее содержание, напрямую или опосредованно, через преподавателей, узнали *студенты юридических вузов*. Наше поколение советских студентов-юристов училось по учебникам, в которых в лучшем случае периоду репрессий был посвящен... один абзац, в котором отмечалось (я цитирую!), что имели место «отдельные нарушения социалистической законности, которые, однако, не изменили демократического характера советского государства».

Каждый будущий юрист России должен знать правду о трагических страницах истории нашего государства. И книга, не побоюсь этого слова, выдающегося отечественного ученого-юриста В.М. Сырых (кстати, в этом году он отмечает свой 80-летний юбилей!) дает достаточно информации для этого. Впрочем, не менее полезной в качестве источника размышлений она может быть и для тех, кто ежегодно в марте с благодарной памятью усыпает цветами могилу тирана у Кремлевской стены.

Литература

1. Варфоломеев Ю. В. Расследование деятельности правящего класса Российской империи Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Саратов: Наука, 2011. 280 с.
2. Краковский К.П. «Щегловитовская» юстиция в России (министерство юстиции позднеимперского периода по материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства). М.: Юрлитинформ, 2016. 200 с.
3. Сырых В.М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М.: Юрлитинформ, 2018. 469 с.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. 525 с.
5. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000.
6. Чернобель Г.Т. В.М. Сырых – методолог, теоретик, социолог и историк права. Научная биография. М.: Изд-во РАП, 2011. 426 с.
7. Чернобель Г.Т. Сырых Владимир Михайлович // Правовая наука и юридическая идеология. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий / Под ред. В.М. Сырых. Т. 4 (1965-1 января 2011 г.) М.: РГУП, 2015. С. 612–616.

8. Сырых В.М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия. М.: Юрлитинформ, 2017. 520 с.
9. Раевич С.И. О характере норм партийного законодательства // Советское право. 1923. № 3. С. 92–102.
10. Винниченко О.В., Ваганов А.М. К вопросу об определении статуса партийных документов в системе источников советского права // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 207–208.
11. Минникес И.В., Токмин С.А. Партийный акт как источник права // Академический юридический журнал. 2014. № 4. С. 4–12.
12. Кодан С.В. Акты РКП (б) – ВКП (б) – КПСС и советское право. Размышления по поводу диссертации С.А. Токмина «Партийные акты в системе источников советского права» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 2. С.127–135.
13. Кодан С.В. Партийные документы в системе источников изучения советского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 40–45.
14. Кодан С.В. Механизмы легализации идеологическо-политических партийных решений РКП (б) – ВКП (б) – КПСС через систему нормативных актов в РСФСР – СССР в 1917 – 1980-е годы (источниковедческий контекст) // Личность. Право. Государство. 2018. № 2. С. 45–60.
15. Кодан С.В. Внезаконные нормативные акты в РСФСР-СССР (источниковедческий аспект) // Проблемы истории общества, государства и права. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2019. С. 386–396.
16. Кодан С.В. «Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет ВКП (б) постановляют...» Совместные нормативно-правовые акты коммунистической партии и советского государства в системе источников советского права // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1. С. 39–53.
17. Столыпин П.А. Речи в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 /Сост. Ю.Г. Фельштинский. Нью-Йорк. 1991.
18. Краковский К.П. Государство в состоянии необходимой обороны: метафизика своеволия или нарциссизм вины? // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой, межотраслевой анализ. Матер. VII межд. науч.-теор. конф. СПб, 1-2 дек. 2006 г. Ч. II. СПб: СПб Университет МВД РФ, 2006. С. 59-63.
19. Франс А. Собр. соч. в 8 тт. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. Т. 8.
20. Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. 512 с.
21. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. 462 с.
22. Ганин В.В. Государственная политика в области подготовки юридических кадров России, конец XIX – XX вв. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2003.
23. Коржухина Т.П. Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
24. Сырых В.М. Н.В. Крыленко – идеолог советского правосудия. М., 2003. 432 с.
25. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004.
26. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»: Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРОХХ, 2003.
27. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств // Спасович В.Д. Сочинения. Т. 3. СПб, 1890.

Krakovskiy Konstantin Petrovich, Doctor of Law Sciences, Professor of the Chair of State Science of the Institute of State Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119606, Russian Federation).

E-mail: kp.krakovskiy@migsu.ru

THE STALINIST TERROR UNDER THE "LEGAL MICROSCOPE" OR " THE LEGAL LOOKING GLASS OF SOVIET HISTORY " (REFLECTIONS ON THE STALINIST REPRESSIONS PROVOKED BY V. M. SYRYKH'S MONOGRAPH "THE LEGAL NATURE OF THE STALINIST TERROR: ACCORDING TO THE DIRECTIVES OF THE PARTY, BUT CONTRARY TO THE LAW". MOSCOW: YURLITINFORM, 2020)

Abstract

The article considers some legal aspects of the Stalinist terror in the USSR in the context of the research of the outstanding Russian legal scientist V. M. Syrykh.

Keywords: *Stalinist terror, political repressions, NKVD, "troika", execution lists, political justice, "ezhovshchina", death penalty, socially dangerous element.*

References

1. Varfolomeev YU. V. Rassledovanie deyatel'nosti pravyyashchego klassa Rossijskoj imperii CHrezvychnoj sledstvennoj komissiej Vremennogo pravitel'stva. Saratov: Nauka, 2011. 280 p.
2. Krakovskij K.P. «SHCHeglovitovskaya» yusticiya v Rossii (ministerstvo yusticii pozdneimperskogo perioda po materialam chrezvychnoj sledstvennoj komissii vremennogo pravitel'stva). M.: YUrlitinform, 2016. 200 p.
3. Syryh V.M. Krasnyj terror: kanony biblejskie, da ispolnenie plebejskoe. M.: YUrlitinform, 2018. 469 p.
4. Luneev V.V. Prestupnost' HKH veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii: Mi-rovoj kriminologicheskij analiz. M.: Norma, 1997. 525 p.
5. Kudryavcev V., Trusov A. Politicheskaya yusticiya v SSSR. M.: Nauka, 2000.
6. CHernobel' G.T. V.M. Syryh – metodolog, teoretik, sociolog i istorik prava. Nauchnaya bio-grafiya. M.: Izd-vo RAP, 2011. 426 p.
7. CHernobel' G.T. Syryh Vladimir Mihajlovich // Pravovaya nauka i yuridicheskaya ideologiya. Enciklopedicheskij slovar' biografij i avtobiografij / Pod red. V.M. Syryh. T. 4 (1965-1 yanvarya 2011 g.) M.: RGUP, 2015. P. 612–616.
8. Syryh V.M. Neizvestnyj Lenin: teoriya socialisticheskogo gosudarstva (bez pri-strastiya i podobostrastiya. M.: YUrlitinform, 2017. 520 p.
9. Raevich S.I. O haraktere norm partijnogo zakonodatel'stva // Sovetskoe pravo. 1923. № 3. P. 92–102.
10. Vinnichenko O.V., Vaganov A.M. K voprosu ob opredelenii statusa partijnyh dokumentov v sisteme istochnikov sovetskogo prava // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 3. P. 207–208.
11. Minnikes I.V., Tokmin S.A. Partijnyj akt kak istochnik prava // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 4. P. 4–12.
12. Kodan S.V. Akty RKP (b) – VKP (b) – KPSS i sovetskoe pravo. Razmyshleniya po povodu dissertacii S.A. Tokmina «Partijnye akty v sisteme istochnikov sovetskogo prava» // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 2. P. 127–135.
13. Kodan S.V. Partijnye dokumenty v sisteme istochnikov izucheniya sovetskogo prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2016. № 2 (109). P. 40–45.
14. Kodan S.V. Mekhanizmy legalizacii ideologicheskopoliticheskikh partijnyh reshenij RKP (b) – VKP (b) – KPSS cherez sistemu normativnyh aktov v RSFSR – SSSR v 1917 – 1980-e gody (istochnikovedcheskij kontekst) // Lichnost'. Pravo. Gosudarstvo. 2018. № 2. P. 45–60.
15. Kodan S.V. Vnezakonnye normativnye akty v RSFSR-SSSR (istochnikovedcheskij aspekt) // Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava. Sb. nauch. trudov. Ekaterinburg, 2019. P. 386–396.
16. Kodan S.V. «Sovet Narodnyh Komissarov i Central'nyj Komitet VKP (b) postanovlya-yut...» Sovmestnye normativno-pravovye akty kommunisticheskoy partii i sovetskogo gosudarstva v sisteme istochnikov sovetskogo prava // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 1. P. 39–53.
17. Stolypin P.A. Rechi v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 /Sost. YU.G. Fel'shtinskij. N'yu-Jork. 1991.
18. Krakovskij K.P. Gosudarstvo v sostoyanii neobhodimoy oborony: metafizika svoevoliya ili narcissizm viny? // Pravovye sostoyaniya i vzaimodejstviya: istoriko-teoreticheskij, otraslevoj, mezhotraslevoj analiz. Mater. VII mezhd. nauch.-teor. konf. SPb, 1-2 dek. 2006 g. CH. II. SPb: SPb Universitet MVD RF, 2006. P. 59–63.
19. Frans A. Sobr. soch. v 8 tt. M.: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1960. T. 8.
20. Nikolaevskij B.I. Tajnye stranicy istorii. M., 1995. 512 p.
21. Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline. M.: ROSSPEN, 1998. 462 p.
22. Ganin V.V. Gosudarstvennaya politika v oblasti podgotovki yuridicheskikh kadrov Ros-sii, konec XIX – XX vv. Dis. ... dokt. ist. nauk. M., 2003.
23. Korzhihina T.P. Figatner YU.YU. Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy dej-stviya // Voprosy istorii. 1993. № 7. P. 25–38.
24. Syryh V.M. N.V. Krylenko – ideolog sovetskogo pravosudiya. M., 2003. 432 p.
25. Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937–1938. M.: MFD, 2004.
26. YUnge M., Binner R. Kak terror stal «Bol'shim»: Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya. M.: AIROXX, 2003.
27. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovnyh dokazatel'stv // Spasovich V.D. Sochineniya. T. 3. SPb, 1890.